

«Великих женщин больше, чем великих мужчин, — сказал однажды народный артист СССР Зиновий Ефимович Гердт. — Потому что в женщине всегда присутствует сила духа, которая вместе с художественностью, тонкостью и поэтичностью женской натуры дает небывалую силу, способную изменить мир». Но почему же тогда о женщинах мы пишем так мало... Почему?

ЗИНОВИЙ
ГЕРДТ:

...В шикарное февральское утро сорок третьего года под Белгородом, когда наша рота отражала очередную танковую атаку, меня и моего замечательного комиссара Николая Ефимовича ударило осколками снаряда: меня — в ногу, его — в глаз. Здесь, быть может, мне и лежать бы вечно — и день был несчастливый, 13-е, — если б не молоденький санинструктор Верочка Веденина (сейчас, конечно, Вера Павловна), которая, в сущности, вытащила меня с «того света»...

Сегодня Верочка жива, она пожилая больная женщина. И третьего дня я ходил в исполком хлопотать, чтобы ей с мужем дали квартиру в доме с лифтом. На четвертый этаж она уже подниматься не может. А я навсегда считаю ее своей.

Вторая моя женщина — Ксения Максимилиановна Винцентини. Хирург. Она оперировала меня шесть раз. И каждый раз, когда меня везли на каталке на очередную операцию, ее руководитель — профессор знаменитый, ортопед, крупный специалист — говорил Ксении Максимилиановне: «Не надо, из этого ничего не выйдет, давайте ампутируем ногу, сделают хороший протез...» Она соглашалась с ним, кивала и, когда бралась за каталку, чтоб везти дальше, шептала мне: «Я буду резать вдоль». В ней была уверенность правоты. И, наверное, она надеялась на мои душевные силы. И я надеялся. Совпали две надежды. Эта потрясающая женщина прониклась ко мне доверием своего отчаяния, и ночью, в одно из дежурств, она пришла ко мне в палату и в ухо влила мне свою жгучую тайну: ее мужа посадили в тюрьму, в «шарашку», описанную у Солженицына «В круге первом», где ученые за пайку сочиняли что-то очень важное для страны. Мужа звали Сергей Павлович Королев. Затем у него был свой, известный всему миру путь...

Потом в моей жизни возникла женщина, чрезвычайно сильно на меня повлиявшая. В ней был такой мощный стержень...

Жила в Москве до революции одна прекрасная семья — Шустовы. Они владели коньячными заводами, были богатыми людьми. У хозяина, Сергея Николаевича, росли две дочери, одна из них — Шуня, так ее все звали. Эта Шуня стала потом моей тещей. Но слово «теща» совсем к ней не подходит, лучше сказать — мама. Шуня рассказывала, что отец считал революцию справедливой, отдал ей все свои заводы. Рабочие так его любили и уважали, что пошли с петицией в московский Совет с просьбой оставить Сергея Николаевича директором. Его оставили. Шуня тогда была 15-летней гимназисткой, ее пристроили разбирать царский архив. Но с работы все время выгоняли как дочь бывшего капиталиста. И она каждую неделю прибегала к отцу на завод, где три коммуниста-большевика (у нас до сих пор сохранились эти справочки

с подписями тех людей и с номерами партбилетов) на листочке подтверждали лояльность ее отца. Потом Татьяна Сергеевна Шустова родила дочку, тоже Таню. И все, что было в Шуне, один к одному сохранилось в Тане. И когда Таня позволила мне на ней жениться — это, конечно, очень круто изменило мою жизнь. Я понял что-то очень важное, может быть, самое важное в жизни — истинную меру человеческих ценностей и отношений. Как сохранился этот стержень в людях в то дикое, страшное время? Мужа Шуни посадили в 31-м, и она ежедневно писала ему, что его в итоге и сохранило. Она узнала, что начальник лагеря, где сидит ее муж, остановился в гостинице «Москва», и пришла туда с 6-летней Таней. Причем вошла с таким видом, что люди не смели сказать: «Вы куда?» Столько в ней было решимости правоты. Он просто ошалел, увидев ее. И сказал ей, что ее муж жив и здоров.

Через 10 лет, за месяц до начала войны, он вернулся, но потом его выслали вновь. И Шуня поехала снова за ним. Бог знает, что пережили эти люди! Но остались людьми.

Потому мы с Таней, если в ком-нибудь замечаем что-то хорошее — вот это шунизм. Шунизм — это совершенно непосредственное восприятие жизни такой, какая она есть. Шуня — дитя-философ, Сократ, но ребенок. Дитя природы, дитя русского интеллигентного духа. И в Тане это есть.

Она, как и Шуня, совершенно бесстрашна, если знает, что ее правота всесветная, не сегодняшняя, не в угоду чему-то или кому-то, а истинная правота. Таня ничего не боится. Она вышла замуж за еврея и понимала, что это обстоятельство жизни не облегчит. Но я знаю, она готова умереть за меня.

В те годы, когда все молчали, Таня не боялась, жила свободно, раскованно. И я завидовал, понимая, как я несовершенен. И учился у нее.

Мы познакомились с ней в шестидесятом, когда летели в Каир на гастроли. Нам предстояло выучить на арабском наш спектакль «Необыкновенный концерт», и мы взяли с собой переводчицу. В самолете я спросил у нее: «У вас дети есть?» Она ответила: «Да, девочка». Я понял, что женюсь на ней.

...Если говорить о женщинах вообще, то, конечно, им нужно быть снисходительными к слабому полу — мужчинам. В какой-то религии молитва начинается со слов: спасибо тебе, Господи, что ты сотворил меня мужчиной. Но это ерунда, потому что в современном мире мужчина и не защитник — это показали вожди наши бывшие, которые своих жен арестовывали. И Калинин, и Молотов опорочили весь мужской род — не защитить мать своих детей! — это жуткое преступление перед человечеством. Они должны были сказать: сажайте тогда и меня.

Но они этого не сделали. Они были рабы — рабы порочной идеи, позорной личности.

...Отношения мужчины и женщины мне представляются сообщающимся сосудом: если он уважает, ценит ее, защищает — и она будет добрее, снисходительнее к его слабостям, к гордости его. Я видел однажды в одной комнате в театре Ельцина с женой. Я не знаю, не помню ее имени-отчества. Замечательная русская женщина, такая полноватая, с дивным взглядом. Он разговаривал, говорил что-то очень темпераментно, а она, она смотрела на него, как мама на своего темпераментного мальчика. При том, что она его моложе, видимо, и вообще откуда там превосходство возраста — не было этого. А была мама, и жена, и мать его детей — и вообще было какое-то всесветное материнство. Мадонна с младенцем. Как это потрясающе на меня действовало! До слез. Я даже не слушал его, а смотрел на нее, на ее восхищенный взгляд. Не знаю, соглашается она с ним, не соглашается — это не имеет значения.

Великих женщин гораздо больше, чем великих мужчин...

Хочется служить женщинам. Это возвышающее служение, обожание даже. Как огромен в своем творчестве наш вновь обретенный поэт Борис Чичибабин. И как прекрасен он в своей любви к жене Лиле. Она замечательная дама. И он смотрит на нее, как 13-летний влюбленный мальчик, — это потрясающе. Я, например, подчиняюсь, но перед этим долго сопротивляюсь. А он обожает ее. Это не унизительно. Страшно стать подкаблучником, но ведь это совсем другое. Мне рассказывали очень смешную историю об одной властной даме и ее муже, совершенно забитом человеке, которому она застегивает пальто, завязывает шарф и дает письмо, объясняя: «Выходишь из подъезда, идешь не к остановке, а в другую сторону... Проходишь пять шагов, и там такой синий ящик, почтовый. Ты поднимаешь крышечку и опускаешь это письмо. Теперь повтори, как пойдешь». Он все усердно повторяет.

Но лишь только захлопнулась дверь, как он схватил это письмо и со словами: «Вот тебе почта, вот тебе остановка! Вот тебе, вот тебе!» — порвал его в клочья. Так он мстил ей за всю свою несложившуюся жизнь... Но в ее отсутствие, на лестнице. Не приведи Господь...

...Да, при всей прелести и великости женщины — сложный материал. Но у Готье, кажется, есть такие строки: Искусство тем прекрасней, чем взятый материал опасней — стих, мрамор и металл.

Это и про женщин...

Записала
Марина Крайняя.

НО ЛУЧШЕ
Они как мы,

НАС

